

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ

Мышкина А. Ф.¹, Хабибуллина Э. Х.²

¹ ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», Чебоксары, Россия (428015, Чебоксары, пр-т Московский, 15), e-mail: alb2091@yandex.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 35), e-mail: ekhabiboullina@mail.ru

В статье проанализированы произведения современных чувашских писателей разных поколений (Г. Федоров, Б. Чиндыков, Н. Ильина). Сделана попытка выявить разные ветви художественно-философского мышления в философской прозе конца XX – начала XXI века. Акцентировано внимание на исследовании роли героя в произведении как носителя идеи духовного возрождения и выразителя определенных морально-нравственных и национальных устоев. Изучена проблема углубления характера героя и расширения возможностей познания человека через глубины его национального миропонимания и быта. Особое внимание уделено выявлению ментального мышления героя современной художественно-философской прозы. На примере конкретных произведений и анализе конкретных героев выявлены те факторы, которые способствуют углублению трагизма человеческой жизни, его одиночества и психологической борьбы с самим собой. Показана связь морально-нравственных устоев общества с историческим временем и традициями народа.

Ключевые слова: герой художественно-философской прозы, духовно-нравственный идеал, национальный менталитет, идолотворение и идолопоклонение.

ETHNIC AND NATIONAL CHARACTER DEVELOPMENT PECULIARITIES OF THE PROTAGONIST IN THE CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL PROSE

Myshkina, A. F.¹, Khabibullina, E. K.²

¹Chuvash state I.N. Ulyanov university, Cheboksary, Russia /Bld. 15, Moskovsky prospect, Cheboksary, 428015/, e-mail: alb2091@yandex.ru

²Kazan /Privolzhsky/ federal university, Kazan, Russia /Bld.35, ulitsa Kremlyovskaya, Kazan, 420008/, e-mail: ekhabiboullina@mail.ru

The works of the contemporary Chuvash writers such as G. Fyodorov, B. Chindykov, N. Ilyina belonging to different age/generations are analyzed. The different streamlines of the philosophical thoughts in the fiction of the late XX - early XXI century are revealed. The researchers' attention is focused on the protagonist bearing the ideas of spiritual revival and expressing the nation's moral principles. The problem of the insight into the character of the protagonist providing ample opportunities for learning the man by his national world outlook and his way of life is considered. Special attention is paid to revealing the contemporary philosophical fiction protagonist's mode of thinking. The study of the protagonists from the specific works under the analysis leads to the insight into the tragedy of human life, his loneliness and psychological struggle against himself. The ties of societal moral principles with national customs and traditions referring to certain historical periods are described.

Key words: philosophical fiction protagonist, spiritual and moral ideal, national mentality, idolization.

Проблема развития характера героя художественно-философской прозы тесно переплетается как с общей тенденцией развития национальной художественной словесности, так и с вопросами развития духовных и морально-нравственных традиций народа. Так как становлению художественного мира писателя, его миропониманию способствуют не только реальная действительность, но и наследие предшествующих поколений, духовное и, не в последнюю очередь, материальное наследие. Однако в век стремительного развития техники и электроники, в эру интеграции различных культур и народов разговор о повседнев-

бытовой и жизненной философии представителей малых народов и национальностей, казалось бы, уже теряет свою актуальность. Тем не менее, по убеждению авторов этой статьи, именно стремление сохранить свои национальные корни, свою ничем несравнимую самобытность создает для таких народов то пространство и те условия, в рамках которого наиболее полно отражаются их духовное развитие и нравственные идеалы. При таком подходе к проблеме духовно-нравственного развития отдельного народа весьма интересным становится их художественно-философская проза, в которой как нигде более ярко отображена эта взаимосвязь, и герои которой становятся носителями идей не столько общечеловеческого, сколько национального мировосприятия и характера. И, естественно, духовно-нравственное пространство таких произведений находится в некоторой зависимости и от личности самого автора, от его видения мира.

Говоря о мирозерцании писателя, хочется напомнить, что оно имеет две основные составляющие. Это, конечно же, с одной стороны, – «его созерцание мира, его интуитивное проникновение во внутреннее существо мира. Это и есть то, что открывается творцу о мире, о жизни» [2, с. 10] как любому человеку любой национальности. С другой стороны – это заложенные в нем на уровне генетики особенности восприятия жизни как представителя определенной нации: «Национальное как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник ...) из данного народа склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции – иные» [3, с. 5].

Так, к примеру, обращаясь к чувашской литературе конца XX – начала XXI века можно заметить, что в ней как никогда ранее остро поднимается вопрос осознания героем своей национальной сущности. И эта тенденция наиболее ярко проявилась именно в художественно-философской прозе, в которой происходит раскрытие безнравственности через историю развития народа (повесть Г. Федорова «Ой, несчастный русак»), углубление духовного кризиса через поиск чувства национального самоопределения и собственного «я» (произведения Б. Чиндыкова, Н. Ильиной), определение путей возрождения духовности через национальные морально-нравственные устои (повести Д. Гордеева) и т.д.

Сегодня уже, наверное, никто не станет возражать против утверждения, что все в современном мире находится под знаком кризиса, не только социального и экономического, но также и культурного, более того, и духовного кризиса. В связи с этим и литература, изучающая общее через индивидуальное, на передний план ставит проблемы и интересы не целого коллектива, как это было совсем недавно, а думы отдельного человека, индивида. В такой литературе человек уже выступает как «малая вселенная, микрокосм», в котором изначально заложена «основная истина познания человека, и основная истина, предполагаемая самой возможностью познания» [1, с. 78].

Следует согласиться с высказыванием тех исследователей, которые рассматривают человека как точку «пересечения двух миров». И уже такой «человек сознает себя принадлежащим к двум мирам, природа его двоится, и в сознании его побеждает то одна природа, то другая. <...> Человек сознает свое величие и мощь и свое ничтожество и слабость, свою царственную свободу и свою рабскую зависимость, сознает себя образом и подобием Божьим и каплей в море природной необходимости». Более того, он «странное существо – двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный и облик рабий, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединившее в одном бытии величие с ничтожеством, вечное с тленным» [1, с. 79–80]. Такое понимание сущности человека в чувашской литературе прослеживается, к примеру, в творчестве молодого автора Надежды Ильиной.

О глубокой трагедии человеческой жизни, о безысходности создавшегося духовно-нравственного положения не столько в судьбе одного человека, сколько всей нации повествует Н. Ильина в рассказе «Даниил». Фабульная основа рассказа построена прямолинейно: внешний конфликт (сора отца с сыном) постепенно перерастает во внутренний (боль, мучительные думы героя) и приводит к неминуемой трагедии (к смерти). На первый взгляд, может показаться, что здесь разрабатывается еще один классический конфликт отцов и детей. Однако идея произведения, находясь на самой его поверхности, уходит своими корнями глубоко в историю народа. Жестоко звучат слова сына, брошенные прямо в лицо отцу: «Да плевать хотел я на твоих предков! Достал! Если уж тебе так хочется болтать по-деревенски – так смотайся туда! Кто держит?! Чо ж своих предков не навещаешь? У тя ж там есть хата, и братан есть. Уж, как я помню, ты сто лет туда не ездил. Давай! Чо? Слабо?! Тоже мне учитель нашелся. Ты своих студентов там, в универе, учи! А с меня хватит! У-у-у! Как ненавижу вас всех, ратующих за «чăвашлăх» (чувашскую нацию. – А.М., Э.Х.)! Ненавижу! Уматывай!» [4, с. 3].

И самое ужасное в этой ситуации то, что порождена она в какой-то мере самим Даниилом, потому что он и сам забыл и о родителях, и о своих корнях. В последний раз в своем отчем доме, в родной деревне он был на похоронах матери. «С тех пор ни разу не был. Нет. Пусть умерли уже его родители. Однако можно же было посетить их могилы. И дед с бабушкой похоронен на том же кладбище. Мертвые не умирают, пока о них помнят. Даниил же забыл: убил их. Разрубил корни» [4, с. 4]. Оказалось проблема именно в этой преемственности поколений. О чем в свое время не задумывался главный герой Даниил, а теперь не желает понимать это и его сын.

Однако это лишь одна грань конфликта. Поэтому автор уводит нас еще глубже и открыто ставит вопрос о праве на будущее не только рода Даниила, а целого народа: «Подожди... Будущий ребенок сына – это же будущий внук Даниила. И... И что же получается?»

Духовное, кровное продолжение Даниила – внук, который родится в будущем – не будет знать чувашский? Неужели язык, дошедший в сохранности через огонь и войны столетий, тысячелетий, исчезнет для рожденных после Даниила поколений?! Не только его – вот и внуки Курак Васи, Мирун Кусми, Чекес Матруни не будут знать чувашский... Еще у скольких сотен, тысяч чувашей это так же? У скольких родов высохли корни, у скольких еще засохнут? Есть ли будущее у такого народа без корней?» [4, с. 5].

Как видим, духовно-нравственный мир героя оказался расколотым помимо его воли. Хотя наш герой чувствует свою явную вину в этом. И это последнее «путешествие» Даниила в родную деревню, его воспоминания и размышления есть его отчаянная попытка удержать свой мир в целостности, поиск твердой «почвы» под ногами. Потому и образ пурги приобретает здесь символический характер. Герой, сбившись с пути, вступает в «поединок» со стихией природы. В этот момент он оказывается на зыбкой грани между прошлым и будущим. В бреду Даниил слышит пение отца («Поет его отец, вглядываясь в даль, в глазах блестят слезы» и поет он одну из старинных, глубоко философских народных песен), вспоминает свою первую любовь и себя маленьким рядом с братом на свежем копне сена. Наяву же видит далекое сияние звезд и уже совсем близкий свет деревни. И мы понимаем не столько со стихией природы, а с самим собой воюет герой.

Однако изменился не только Даниил (ушел, забыл, не берег), но и тот мир, который он видит, вспоминает в бреду и, в объятия которого идет вслепую. Здесь уже нет покоя, счастья (ведь за этим Даниил возвращается в отчий дом). Это мир разврата, жестокости и дурмана (родной брат, сельская молодежь стали наркоманами). Даниил умирает от рук брата (совершается братоубийство) и в этом заключен глубокий смысл произведения: происходит и духовное, и физическое уничтожение родственных связей, священного зова крови.

Герой рассказа Н. Ильиной глубоко одинокий человек. Его трагедия, вероятно, и в том, что в современном нам мире «человек устал от самого себя, от человека, изверился в человеке и хочет опереться на сверхчеловеческое». С другой стороны, необходимо отметить, что для современного человека причина «потери самого себя» заключена и в том, что «многие старые кумиры низвергнуты нашим временем». А ведь «человек так устроен, что он может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры. В сущности, человек не может быть последовательным и окончательным атеистом. Отпадая от веры в Бога, он впадает в идолатрию. Идолотворение и идолопоклонение мы видим во всех областях – в науке, в искусстве, в государственной, национальной, социальной жизни» [1, с. 487]. Именно поиск идеала, идола (основанного на чувстве национальности) происходит в рассказе «Даниил». И еще более ярко это проявляется в творчестве (как в прозе, так и драматургии) другого чувашского писателя Бориса Чиндыкова.

Уже в начале 80-х годов XX века Б. Чиндыков поднимает проблему национального самосознания в литературе. Вспомним, что это еще было время, эпоха интернационализма, когда не было «модно» любить свой национальный язык, культуру и народ. Чувство национального самоопределения было чуждо для этого периода истории. В такой духовно-нравственной обстановке и появляются рассказы Б. Чиндыкова, герои которых глубоко трагично воспринимают сложившуюся для чувашского народа действительность («Нараста» (Невинность), 1983; «Hotel Chuvasia», 1983-1984). Основная идея этих рассказов заложена уже в их названиях. Так, к примеру, «Hotel», гостиница – это место, где человек не живет, а бывает лишь проездом. Здесь он не хозяин, а всего лишь гость. И в одноименном рассказе видим, как писатель разворачивает эту идею относительно не одного человека, а всего народа. Потому он оказывается гостем на своей исторической Родине. Однако, как видим из сюжета рассказа, гостем чуваш оказывается по своей собственной воле.

В рассказе «Hotel Chuvasia» повествование ведется от имени чувашской девушки-москвички, которая никогда не была в Чувашии (да и все действия происходят в Москве). Вот как рассуждает героиня в начале рассказа: «В то время, хотя по крови и была чувашской девушкой, душой, мыслями я стояла далеко от своего народа, к тому же этот народ мне вообще не чувствовался родным» [6, с. 36–37]. Никакой ее вины в этой отчужденности, в какой-то мере и ненависти («Это, естественно, один из внешних признаков этого никчемного чувашского народа говорила я сама себе чуть не плача» [6, с. 40]) к своей нации автор не видит. Вся вина лежит на ее матери, которая не вкладывала в нее любовь к языку, к истории народа. «Ты уже взрослая, пора знакомиться с родным народом», – так приглашает свою дочь она на ежегодную встречу чувашской диаспоры в Москве на могиле великого просветителя И. Я. Яковлева. О своей национальной принадлежности мать вспоминает как ритуал, один раз в году. Однако автор верит в будущее, в завтрашний день чувашского народа. Поэтому «неожиданно в крови безрассудно, природной мощью, неудержимо развиваются чувства любви к родному народу» [6, с. 37]. Тем не менее это не вдохновение, а всего лишь какая-та нераскрытая боль, беспокойство людей, которые так и не нашли покоя и счастье.

В рассказах Б. Чиндыкова философское осмысление жизни органично сочетается с ее публицистическим исследованием. Подобное своеобразие позволяет углубить трагическое начало человеческой судьбы через социально-историческое развитие общества и наоборот. Как отмечают исследователи, «трагический конфликт личности и общества неразрешим на почве внерелигиозной. Мир, потерявший веру, дехристианизированный, или уединяет личность, отрывает от общества, погружает ее в себя без возможности выхода к сверхличным целям, к общению с другими, или окончательно подчиняет и порабощает личность обще-

ству» [1, с. 494]. Художественно-философское осмысление подобного подчинения можно почувствовать также, к примеру, и в повести Георгия Федорова «Ой, несчастный русак».

В названном произведении Г. Федорова идею порабощения человека обществом, окружающей средой несет на себе один из главных героев – Петр Мртик. Характер этого героя нельзя растолковывать однозначно. На первый взгляд, в нем собрано все негативное: он груб с женой и матерью, завистлив, деспотичен, пресмыкается перед начальством и пишет жалобы-анонимки на своих односельчан. В то же время – все это лишь отзвук, отражение жестокости и несправедливости людей к нему самому. Вот как он вспоминает свое детство: «Что знает его мать? Не видела она, как черствела душа ребенка. Как же так? Даже возвращаясь домой избитым, весь в синяках, ни слово не говорил матери. Злился и на нее? Наверное, и злился! – ведь его же, Петра, после побоев на улице наказывала мать: не дерись! не ругайся! Будь как все люди! Так и рос, значит, Петр: злобный, завистливый, с мечтой одержать верх над своими обидчиками. Если даже кто-то только прикасался к нему, то он сразу отгрызался как хомяк. Вечером возвращался домой с разбитой головой, исцарапанным лицом, разорванной рубашкой. Дома мать опять же своими наставлениями. Возненавидел он, меж тем, живя впроголодь, людей, вырос, никому не доверяя, с любым научился говорить грубо» [5].

Вместе с тем можно сказать, что образ этого героя в произведении является своеобразной пародией на конкретное историческое время. Петр Мртик, если можно так выразиться, это то «дитё», которого вскормила и воспитала именно таким определенная социальная среда. И это не только политическая система, но и национальные традиции и быт. Поэтому в повести Г. Федорова дух времени выражается не только в характере героев, а выступает как вполне самостоятельный образ. Символом власти (уродливо-тоталитарной) здесь стали Пеккарский и Тит Ильич, от имени и по велению которых творит свои темные дела Мртик. И как бы в «противовес» им в повести стоят образы бывшего председателя сельсовета Григория Кузьмича и учителя Виктора Николаевича, на которых и возложена роль правильных руководителей (каким эту власть видит автор).

В повести «Ой, несчастный русак» в характере своих героев автор стремится раскрыть гармонию (а в большей степени – дисгармонию) влияния социальной среды и национального быта на судьбу «маленького» человека. И потому конкретное историческое время становится здесь той планкой, тем барьером, которым проверяются духовно-нравственные качества человека. Петр Мртик, Матви, Каверле, Йоссох, к примеру, так и не сумели преодолеть его в своей душе, и это привело их к потере самого себя.

Таким образом, обобщая уже сказанное, отметим, что современная чувашская художественно-философская проза через углубление в толщи национального характера и быта явно расширила горизонты познания человеческой сущности и смысла его жизни. В связи с этим

хотелось бы вспомнить, что ещё «у Достоевского была идея, что без свободы греха и зла, без испытания свободы мировая гармония не может быть принята. Он восстает против всякой принудительной гармонии, будет ли она католической, теократической или социалистической. Свобода человека не может быть принята от принудительного порядка, как его дар. Свобода человека должна предшествовать такому порядку и такой гармонии. Через свободу должен идти путь к порядку и гармонии, к мировому соединению людей» [2, с. 51]. И как показывает проделанный нами анализ произведений, герой современной философской прозы ищет и стремится именно к такой свободе и к такой гармонии.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. первый: Смысл творчества и др. работы. – М.: Искусство, 1994. – 542 с.
2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. второй: Мирозерцание Достоевского и др. работы. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М.: Academia, 1998. – 430 с.
4. Ильина Н. Даниил // Ялав (Знамя). – 2003. – № 10. – С. 3–15 (На чувашском языке).
5. Федоров Г. Ой, несчастный русак // Родная Волга. – 2002. – № 2–6. (На чувашском языке).
6. Чиндыков Б. Hotel Chuvasia // Чиндыков Б.Б. Ужин после полуночи. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – С 36–47 (На чувашском языке).

Рецензенты:

Артемьев Ю. М., доктор филологических наук профессор, профессор кафедры русской литературы, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», г. Чебоксары.

Ермакова Г. А., доктор филологических наук профессор, профессор кафедры чувашской литературы ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева», г. Чебоксары.